

Кирилл Денякин
Невешайнос и
перстень Звездочёта

II часть

Кирилл Денякин

**Невешайнос и
перстень Звездочёта**

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Денякин К.

Невешайнос и перстень Звездочёта / К. Денякин — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Эта книга является продолжением приключений сына лесника. Повзрослевшему Невешайносу предстоит участвовать в войне, искать волшебный перстень Звездочета, а в поисках самого Звездочета - отправиться прямо в логово Тилюда. Опасности подстерегают на каждом шагу, но он стал сильнее и у него появились новые волшебные способности. Да и белки с птицами по-прежнему ему помогают.

Содержание

Часть первая. Невешайнос и новые происки Тилюда	5
Глава 1	5
Отъезд Вэна. Заступничество Торнгода перед Адеем. «Грамота хороша для грамотных.»	8
Глава 3	12
Глава 4	15
Глава 5	20
Часть вторая	23
Глава 6	23
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Кирилл Денякин

Невешайнос и перстень Звездочёта

Часть первая. Невешайнос и новые происки Тилюда

Глава 1

Охранная грамота от Тилюда.

Как вы помните, Невешайнос и Вэн вернулись в дом Клема. Из рассказов старших ребята узнали, что за время их отсутствия король Седон дважды приезжал охотиться на оленей, лосей и кабанов. При первом приезде он сам вручил Клему мушкет с запасом пороха и пуль. После отъезда короля Клем и Гелон ходили охотиться с мушкетом и арбалетом на волков, но неудачно. Зима была почти бесснежной, и волчьих следов почти не было видно. Правда, им удалось подстрелить кабанчика, что было очень кстати.

Весной аисты принесли письмо от родителей Невешайноса. Отец писал, что монеты, посланные сыном, их очень обрадовали и не только потому, что они полностью расплатиться с долгами и купить себе соли и кое-что из одежды, но, и собственно потому, что они ощутили на себе любовь и заботу их подросткового сына. Родители были здоровы и желали всего самого лучшего Тулу, Клему, Анне и их детям.

«Увидимся ли мы когда-нибудь, сынок?» – писал отец. – «Жадей, к сожалению, жив-здоров, а его стражники, хотя и реже, чем в прошлом году, но наведываются проверить, не вернулся ли ты, а недавно жили у нас три дня, искали тебя во всех углах и в лесу.»

Невешайнос последние слова отца читал, сдерживая слезы. Действительно, увидит ли он отца с матерью? Ведь скоро уже два года как он ушёл из дома.

В конце мая появился неожиданный и приятный гость – Вэн. На этот раз он был не один, а с целой свитой – четверо солдат с мушкетами на крепких конях. Кроме того, хоть сам, как и в прошлый раз, приехал верхом, его маленький отряд замыкала карета, запряжённая четвёркой – две пары цугом – белых как снег лошадей, а на облучке и запятках кареты ещё по солдату с мушкетами. Из окон кареты выглянула одна из служанок Веты по имени Тала.

– Ого! – воскликнул Клем, увидев этот отряд. – Далеко ли собрались таким караваном, за каким сокровищем?

– Да уже приехали, – ответил Вэн, – а о сокровище поговорим позже.

При этих словах Лана, стоявшая на крыльце, покраснела как маков цвет, а служанка Веты бросила на неё лукавый взгляд.

Клем пригласил гостей к мгновенно собранному столу. Вэн и Тала приняли приглашение, солдаты уже устроились на поляне за домом по дороге к озеру, где разбили палатку.

– Как же вы таким отрядом через Тилюдию? Ведь одному и то пройти через эту страну тяжело, – спросил Клем, когда гости утолили первый аппетит.

– О, мне необычайно повезло, – ответил Вэн. – Три недели назад к нам прилетел охотничий сокол, у которого на лапке было кольцо с гербом Тилюда Десятого. Торнгод решил вернуть птицу хозяину и отправил с этим поручением меня. Тилюд был очень удивлён, и обрадован, когда узнал, с чем я приехал. Оказывается это был его любимый сокол и разозлённый потерей он пригрозил своему сокольничьему, что если через десять дней тот не найдёт сокола, то ему отрубят голову. И на радостях, что сокол нашёлся, Тилюд спросил меня, какую награду я хотел бы получить. А я уже знал, что сказать и попросил у него разрешение на беспрепятственный

проезд через его страну в Приморское королевство и обратно. И, представьте себе, он дал мне не только разрешение, но и ещё вот что. С этими словами Вэн полез в карман и достал свёрнутый в трубку лист пергамента:

ОХРАННАЯ ГРАМОТА

Настоящим мы, Тилюд Десятый – великий волшебник и могущественный король, правитель Верхней и Нижней Тилюдии, любимый повелитель наших подданных, торжественно сообщаем всем и каждому, что в знак нашей благодарности за особые услуги, оказанные нам подданным нашего высоко друга короля Пафия Шестого Вэном – офицером, состоящим на службе у благородного сеньора Торнгода, разрешаем названному Вэну в любое время года, дня и ночи беспрепятственный проезд и проход через наше королевство в страну, называемую Приморским королевством. В сопровождении упомянутого Вэна может быть одновременно не более двенадцати человек, из них десять вооружённых, включая его самого. Все они находятся под нашим высоким покровительством и охраной.

Любой житель Тилюдии, который будет иметь наглость не считаться с этим нашим высочайшим повелением, подлежит наказанию, определяемому нами лично в зависимости от тяжести поступка и личности ослушника, но не менее, чем тридцати ударам палкой по мягкому месту, противоположному голове.

Свою руку и печать приложить изволил Тилюд Десятый.

– Да... – с нескрываемой завистью протянул Невешайнос. – Вот бы мне такую грамоту. Я бы тогда домой сходил, посмотрел бы, как мама с папой живут. Сколько человек, вы говорите, может быть в вашем сопровождении, двенадцать? А сейчас семь, значит...

Но Вэн продолжил, обращаясь к Клему и Анне:

– Уважаемые и высокочтимые госпожа Анна и господин Клем! Я имею честь просить у вас руки вашей дочери. Я понял за эти месяцы, прошедшие после нашей встречи, что она – единственная, кто может составить моё счастье, жизнь без неё для меня невысказана.

– Спасибо за честь, которую вы делаете нам своим предложением, – ответил Клем, – но ответ зависит не от нас, а от Ланы. Ей жить, ей и решать. Что скажешь, Анна?

– Да, я тоже так думаю. Пусть решает Лана. – согласилась Анна. Лана, сидевшая тут же за столом, и от слов Вэна покрывшаяся густым румянцем, от смущения не могла вымолвить ни слова, но взгляд говорил её лучше всяких слов. Наконец, она собрала с силами, встала и протянула Вэну обе руки.

– Я согласна, – почти прошептала она.

– А как относятся ваши родители к тому, что вы – офицер, дворянин собираетесь жениться на простой девушке? – спросил Клем.

– А у меня нет родителей. Мой отец погиб 17 лет тому назад на войне с тилюдовцами, когда мне было пять лет, а мама вскоре умерла с горя. Я воспитывался у отца Торнгода, он тоже умер, а сам Торнгод поддерживает мой выбор, хотя он и не знает Ланы, но я много ему рассказывал о ней, да и не надо мне никаких дворянок.

– Ну, что ж, раз вы всё обдумали, мы с Анной не возражаем, так ведь я говорю? – обратился Клем к жене.

– Так.

– Тогда, – сказал Вэн, – я предлагаю на следующей неделе провести помолвку, на неё пригласить бы сударыню Липу, которая спасла Лану, конечно, Геллона с женой, ну кого ещё вы посчитаете нужным, на другой день я уеду, а месяца через четыре приеду, и мы обвенчаемся.

– Я думаю, что надо пригласить дедушку с бабушкой (родителей Анны), – сказала Лана, – может быть, Тул сбегает?

– К ним мы пошлём солдат с каретой и письмом, – возразил Вэн, – а к сударыне Липе съездим мы с Тулом, и я сам приглашу.

Так и сделали. Анна и Клем написали письмо родителям Анны и тут же отправили с ним двоих солдат в карете. Они должны были через три-четыре дня либо приехать вместе со стариками, либо привезти от них ответ. Свои мушкеты солдаты оставили у Клема, да и форму сменили на гражданское платье, чтобы не нажить неприятностей в столице чужого королевства.

Вэн сначала хотел было поехать к сударыне Липе не только с Невешайносом, но и с Ланой, но потом от этой мысли пришлось отказаться, т.к. Лана должна была помочь матери подготовиться к приёму гостей. Как у всякой девушки её возраста, у Ланы было в основном готово приданое, но, конечно, было ещё к чему приложить руки за оставшееся до свадьбы время.

Поэтому на другое утро Вэн и Невешайнос уселись на лошадей и отправились в путь. Эм предложил отправить приглашение сударыне Липе с почтовым голубем, но все взрослые решили, что это неудобно. Такого человека, тем более спасшего жизнь невесте, конечно, надо было приглашать лично. Ехали по дороге через Каменный Угол, так как ехать на лошадях через лес было очень трудно. Лошади бежали лёгкой рысью и уже через час они были в Каменном Угле.

От него зимняя дорога к сударыне Липе вела через Волчью поляну, а летняя – значительно более короткая – к деревне Глубокая Лощина. Зимой её заносило снегом так, что лошади проваливались по брюхо. Впереди предстояло проехать ещё две деревни, но город, где зимой у Невешайноса была неприятная встреча в лавке кузнеца, остался в стороне, что очень его устраивало, а в деревнях его никто не знал.

Тул по дороге рассказал Вэну, как сударыня Липа прошлым летом спасла его из рук тилюдовцев.

– То-то, – сказал Вэн, – наш Пафий посмеивался над Тилюдом, что тот собрал всех рыжих-пламенных со всего королевства, так что дворец чуть не загорелся. Между прочим, хоть они с Тилюдом и друзья, но сдаётся мне, что Пафий вовсе не хочет, чтобы Тилюд тебя поймал, он, видимо, не очень-то доверяет своему другу.

Невешайнос спросил Вэна, почему тот не женится сразу на Лане, а собирается приехать за ней только осенью, месяца через четыре. Оказалось, что Вэн недавно получил наследство и теперь строит большой дом, который будет готов к концу лета. Так за разговорами они незаметно проехали большую часть дороги и последний отрезок пути каждый думал о своём: Вэн о будущем доме и семейной жизни, а Тул опять вспоминал родителей.

Сударыни Липы дома не оказалось, она уехала в столицу, но должна была вернуться в среду или в четверг на будущей неделе, поэтому Вэн оставил ей письмо и к вечеру они с Тулом вернулись домой.

Помолвка состоялась, как и намечали, в субботу. Приехали родители Анны, сударыня Липа и, конечно, Геллон с женой.

Вэн преподнёс своей невесте ожерелье арабской работы, а сударыня Липа молодым – набор столового серебра. Стол накрыли в саду под яблоней, которая, как выяснилось, была ровесницей невесте, что дало повод пожелать молодым такой же красивой и богатой жизни, как у этой, действительно, щедрой каждый год на плоды яблони.

Глава 2

Отъезд Вэна. Заступничество Торнгода перед Адеем. «Грамота хороша для грамотных.»

В понедельник провожали Вэна. Уже давно были уложены вещи, запряжены лошади, а он всё никак не мог прервать безмолвный разговор с Ланой, выпустить из своих рук её руки, оторвать свой взгляд от её глаз, полных любви и слёз.

Окружающие, как те, что уезжали вместе с Вэном, так и остающиеся, понимая состояние влюблённых, делали вид, что у каждого из них ещё есть какая-то работа. Солдаты уже в который раз подтягивали и поправляли переметные сумы и подпруги, кучер с озабоченным видом осматривал колёса кареты, которую с двумя лошадьми было решено оставить у Клема, ещё и ещё раз рассказывал Эму о характере оставляемых лошадей. Тала – служанка Веты, которая по просьбе Вэна и Ланы приехала помочь невесте завершить подготовку приданого, тоже то подходила к солдатам, разговаривала о чём-то с кучером, то возвращалась в дом. Клем то подносил солдатам ещё ведёрко овса, то подбрасывал травы лошадям, переступающим с ноги на ногу.

У Невешайноса настроение было не лучше, чем у Ланы. Вчера он говорил с Вэном о том, чтобы пользуясь охранной грамотой Тилюда, вместе с ним пересечь Тилюдию, но Вэн наотрез отказал ему. Вэн был согласен, что грамота даст возможность его будущему родственнику беспрепятственно миновать самый опасный участок пути, но ведь на родине того ожидала встреча со стражниками Жадея, и ничего хорошего она не сулила.

Поэтому-то Невешайнос с такой тоской смотрел на все эти преддорожные сборы и хлопоты. Но он, пожалуй, и самому себе не признался бы, что ему хотелось не только повидать родителей, но и Вету, которая прислала с Вэном короткую записку, где спрашивала, не получал ли Невешайнос разрешения вернуться на родину и если да, то приглашала его захватить в замок Торнгода. Оказывается, Торнгод просил Адея Первого разрешить Гранстулафертонионсию – сыну лесника Норстена (вы ведь, надеюсь, помните, что таково было полное имя Невешайноса) вернуться на родину. Свою просьбу Торнгод обосновывал тем, что два года тому назад Гранстулафертонионсий спас из рук разбойников его дочь и показал себя как храбрый и благородный человек. Посланец Торнгода не только с письмом, но и с хорошими дарами Адею уехал в королевство Дубовых Лесов уже месяц тому назад, но от него не было никаких вестей. Вета думала, что, может быть, гонец напрямую поехал к Тулу с разрешением Адея, так как замок Торнгода был несколько в стороне от прямой дороги. Но, к сожалению, никакого ответа на эту просьбу не получил и Невешайнос. А дело было в том, что Адею очень понравились подарки Торнгода, и он решил тянуть с ответом в ожидании того, что Торнгод пришлёт ещё одного гонца с письмом и подарками.

– Ишь, как этот Торнгод хлопочет за бунтовщика, – сказал Жадей своему министру финансов. – Раз уж он так нужен, то, думаю, Торнгод раскошелится ещё на подарки, а там посмотрим, может быть и разрешим этому маленькому разбойнику вернуться, а потом его арестуем за непочтение к королю, и пусть Торнгод ещё потрясёт мошной.

– Очень хорошая мысль, Ваше величество, и как это великодушно простить бунтовщика, и как это мудро использовать его для пополнения королевской казны. А этот Торнгод, наверное, думает, что мы так сразу и побежим ему навстречу. Ничего, пусть подождёт!

Так вот и вышло, что посланец Торнгода жил в столице Жадея уже месяц, каждый день ходил в королевский дворец, и каждый день первый министр говорил ему:

– Его величество занят важными государственными делами. Ваше письмо и подарки вручены Его величеству, но ему некогда заниматься разными бунтовщиками. Зайдите завтра.

Но завтра повторилась та же история. Посланец Торнгода ругательски ругал себя за то, что не догадался взять с собой почтового голубя и через месяц бесполезных хождений послал

одного из своих сопровождающих к Торнгоду с отчётом о состоянии дел и с вопросом, как быть дальше.

Но ничего этого Невешайнос не знал. Торнгод даже Вэну не сказал о том, что просит за Невешайноса, а Вета – ну что взять с девчонки? – просто-напросто проболталась. Отец ей намекнул только, не вдаваясь в подробности, что, может быть, Невешайносу разрешат вернуться на родину, а она подумала, что это уже почти решённое дело. Конечно, и Вету нельзя строго судить. Ей очень хотелось, чтобы Невешайнос вернулся на родину. И ещё ей очень хотелось повидать своего спасителя...

Но вернёмся во двор Клема. Вэн последний раз взглянул в глаза своей невесте, поцеловал её и сказал:

– Ну, нам пора. Как только доберусь, pošлю тебе первого голубя, а за несколько дней до приезда – второго. Ты тоже пошли мне голубя месяца через два. Не тоскуй, я думаю, что всё будет хорошо. До свидания, моя радость! Храни тебя, Господь!

– И тебя тоже, – отвечала Лана.

Вэн вскочил в седло, солдаты тоже и небольшой отряд двинулся в путь. Всё семейство лесника и Геллона, а так же Тала махали ему вслед.

Через несколько дней прилетел почтовый голубь с подробным письмом, и тут Невешайнос убедился, как правы были дядя Клем и Вэн, которые, хотя и по другой причине, были категорически против его намерения отправиться через Тилюдию вместе с Вэном. Вэн сообщал в этом письме, что едва они переехали мост и проехали по тилюдовской земле несколько сот шагов, как их окружили человек пятьдесят всадников, вооружённых мушкетами и арбалетами, которые были наведены на Вэна и его спутников. Командовавший отрядом капрал с красным шарфом на шее, назвавшийся Бартоком («Атаман» заметил тут Невешайнос) потребовал объяснений. Когда же Вэн предъявил ему охранную грамоту Тилюда, капрал заявил, что он неграмотный и грамота ему ни о чём не говорит.

– Лучше выдайте нам хорошо известного вам Невешайноса, – заявил Барток, – и после этого можете ехать куда хотите.

– Невешайноса я, действительно, знаю, – сказал Вэн, который понимал, что скрывать это нет никакого смысла. – Но у нас его нет, он живёт у вас в Тилюдии, а где – не знаю, ищите его у себя.

– Хорошо, сейчас мы его найдём, – сказал Барток и велел своим солдатам проверить, не носит ли кто-нибудь из спутников Вэна парик или приклеенные усы. Вэн дал своему отряду команду не сопротивляться, чтобы избежать столкновения. Ведь на стороне тилюдовцев был слишком большой перевес в силах – пятьдесят человек против семи.

Но напрасно тилюдовцы дёрпали солдат Вэна за усы и волосы. У всех всё было настоящее, Невешайноса они, конечно, не нашли. Когда Вэн сказал, что он сообщит об этом беззаконии «великому королю и могущественному волшебнику Тилюду Десятому», Барток, дерзко усмехаясь, заявил:

– Хоть самому Господу Богу!

Вэн, действительно, заехал в Диропию и пожаловался Тилюду Десятому, что его подданные не считаются с охранной грамотой своего короля. Тилюд сначала возмутился, а потом рассмеялся и сказал, что и Барток и все его солдаты – неграмотные, поэтому обвинять их нельзя.

В этом месте при чтении письма Невешайнос заметил:

– Вот врёт-то, а ещё король! Мне ведь атаман – а это и есть Барток – сам говорил, что они прочитали записку, посланную дядюшкой Теренсом. А тут неграмотными стали!

Дальше Вэн писал, что и при выезде из Тилюдии его отряд был задержан группой солдат под командованием Трёхпалого. На этот раз они не проверяли, настоящие ли у солдат волосы и усы, но зато залезли в переметные сумы и чуть не отобрали у Вэна почтовых голубей. Грамота

Тилюда и тут не помогла, т.к. все объявили себя неграмотными. Клем заявил после прочтения письма:

– По-моему эта охранная грамота от Тилюда – просто ловушка, с помощью которой Тилюд хотел заманить тебя, Тул. Нельзя поверить, что в обоих отрядах не было ни одного грамотного солдата, не говоря уж о капрале. Ведь Тилюд знал, что Вэн провожал тебя до границы с Тилюдией, знал он и куда ты едешь, вот он и решил, что Вэн повидает тебя в Приморском королевстве и, возможно, ты захочешь воспользоваться этой грамотой, чтобы под её защитой пройти через Тилудию. Видишь, как верить этому рыжему бандиту, а ты хотел отправиться с Вэном.

– А я и говорю, что ему верить нельзя, – воскликнул Тул. – Я и клятве егоотца на Библии не верю. Знал он, где Звездочёт, жив он или нет.

– Ну уж это ты слишком, – возразили в один голос Клем и Анна. – Как можно врать на Библии?

– От Тилюдов всего можно ожидать, они и на Библи соврут – недорого возьмут, – сказал Тул, – вот увидите, рано или поздно выяснится, что они знают судьбу Звездочёта. Но всё-таки хорошо, что вы не пустили меня с Вэном. Я-то, может, и убежал бы в своих сапогах от тилюдовцев, а вот Вэн мог бы пострадать.

Вероломство Тилюда Десятого всё-таки не отбило у Невешайноса желание повидать родителей, хотя он ещё не раз благодарил про себя дядю и Вэна, удержавших его, как выяснилось, от серьёзной ошибки.

Через месяц, совершенно неожиданно прилетел второй голубь. В письме, которое он доставил, Торнгод писал, что его ходатайство перед Адеем о прощении Невешайноса не имело успеха. Адей, промариновав, как говорится, посланца Торнгода в течении почти двух месяцев, заявил, что Невешайнос слишком опасный бунтовщик, чтобы можно было его простить после всего-навсего двух лет изгнания. «К рассмотрению этого ходатайства, – заявил Адей, – можно будет вернуться через год.» Я бы не стал тебя огорчать, – писал Торнгод, – и вообще сообщать тебе о предпринятых мною шагах до того, как они приведут к успеху, но, как мне недавно стало известно, Вета, оказывается, написала тебе, что возможно Адей разрешит тебе вернуться на родину, поэтому я не мог держать тебя в неведении.» Принёс голубь и записку для Ланы от Вэна. Я думаю, что вы сами догадываетесь, о чём мог писать влюблённый молодой человек своей невесте, поэтому о содержании этой записки я ничего не скажу. Пожалуй, стоит только заметить, что больше почтовых голубей у Вэна не было, поэтому он сообщил, что приедет без предупреждения в конце августа или начале сентября.

Думаю, вам понятны так же и чувства, охватившие Невешайноса, когда он прочитал письмо Торнгода. Действительно, записка Веты внушила ему надежду, что он скоро сможет обрадовать своих родителей, и вот все мечты рухнули...

Конечно, у дяди Клема и тёти Анны он жил как у отца с матерью. По-матерински заботилась и опекала его сударыня Липа. Он столько узнал, так многому научился за эти два года. Он всей душой привязался к своим двоюродным братьям и сестре. Малыши – Тим и Бак буквально смотрели ему в рот, особенно после того, как он научил их читать и писать. Но разве заменит кто-нибудь родную мать и родного отца? А кто заменит родителям единственного сына?

Не давала покоя Тулу и судьба Звездочёта и его волшебного перстня. Дедушка, спрятавший перстень, умер так внезапно во время колки дров, что никому ничего не сказал. Правда, из рассказа сударыни Липы можно было предположить, что дедушка спрятал перстень в дупле того самого грецкого ореха, что рос во дворе их дома, а вдруг это не так? Мало ли дуплистых дубов в лесу? Ведь не случайно королевство называлось королевством Дубовых Лесов, да и каштаны, в том числе и с дуплами, встречались нередко, попробуй найди перстень, если его не будет в дупле грецкого ореха! А как было бы здорово найти этот перстень!

Все эти думы постоянно терзали ум и душу Невешайноса, он стал неразговорчивым, рассеянным, взгляд его был каким-то отсутствующим, так что, глядя на него, Клем и Анна испытывали какое-то щемящее чувство вины. Они чувствовали, что племянник глубоко озабочен и знали, чем, но не могли помочь ему.

Глава 3

Засушливое лето. Но что за метки на лопатках? Тула готовят к походу на родину.

Между тем, жизнь шла своим чередом. После почти бесснежной зимы настало лето, необычайно сухое и жаркое. Не было ни одного дождя ни в апреле, ни в мае, ни в июне. Пересохло большинство лесных ручьёв, обмелели колодцы. В Приморском королевстве никогда раньше такого не было. Трава на лугах начала желтеть, не успев расцвести, листва с деревьев облетала как осенью. Орех, который рос в огороде, тоже начал терять листву. Да и все огородные культуры переносили жару очень плохо. Листья капусты, например, повисли как варёные, репа разбросала свои листья по земле, немногим лучше чувствовали себя морковь и свёкла.

– Надо спасать огород, – сказал как-то за ужином Клем. – Из колодца поливать больше нельзя, там и так воды мало. Будем возить воду из озера, да и около охотничьих домиков цветы страдают. Завтра и начнём.

– А в чём будешь возить воду? – спросила Анна.

– Пока возьмём кадушки из-под капусты, а я завтра съезжу в Волчью Поляну, куплю там бочку, ею и будем возить.

На другой день с утра Эм и Тул поставили на подводку кадку, привязали её верёвками, запрягли одну из двух лошадей, оставленных Вэном, и отправились за водой к озеру. Там их ждала неприятная неожиданность. Мостки, которые Клем сделал, чтобы с них удить рыбу, оказались на сухом месте и довольно далеко от воды. Ребята понимали, что у берегов дно озера было пологим и песчаным, однако сейчас песок обнажился широкой лентой по всей окружности озера и когда они попробовали заехать на лошади прямо в воду, чтобы легче было наполнить кадку, лошадь стала биться и испуганно ржать. Пришлось срочно выпрягать её из подводки и вытаскивать за вожжи, а потом с помощью лошади выволакивать застрявшую в глинистом дне и глубоко ушедшую в воду телегу, привязав её задок вожжами к хомуту. Пока они проделали эту спасательную операцию, с них сошло по семь потов и ноги от пережитого волнения были мелкая дрожь.

– Так дело не пойдёт, – решительно заявил Эм. – Либо лошадь угробим, либо сами потонем. Надо что-то придумать.

Попробовали найти хороший въезд в воду в другом, в третьем месте. На лошади уже не заезжали, а заходили сами, один стоял на берегу, а другой лез в воду, держась для подстраховки за конец вожжей, протянутых ему с берега. Результат бал тот же.

– Придётся делать новые мостки или перетаскивать на новое место старые. Это сколько же времени уйдёт? Весь огород посохнет, – сказал Эм. И вдруг, хлопнув себя по лбу, воскликнул:

– Слушай, а твои волшебные сапоги не помогут?

Надо вам сказать, что с наступлением лета и Эм, и Невешайнос, и все остальные дети ходили босиком. Конечно же, босиком поехали ребята и за водой.

– И я совсем забыл о них, – согласился Тул. – Сейчас сбегаяю.

И, не мешкая, он припустился домой. Прибежал обратно уже в сапогах и стоя на воде, как на твёрдой земле, зачерпнул ведро воды. Сапоги держали уверенно, и дело быстро пошло. Вода была тёплая и пахла тиной, но для растений это не имело значения, коровы Клема и Геллона её пили, а коза, которую ещё в прошлом году купил Клем по просьбе Невешайноса, привыкшего к козьему молоку, пить не стала и, брезгливо сморщив нос, с укоризной взглянула на мальчиков, дескать, не стыдно вам предлагать мне, порядочной козе, такую жижу вместо воды?

Сенокос в этом году был тяжёлый: трава была низкая и сухая, косы быстро тупились, и их приходилось то и дело точить. Хорошо ещё, что от прошлого года остался солидный запас сена, а то бы нечем было кормить скот, не говоря о диких животных. Для козы Невешайнос заготовил вместе с малышами целый воз берёзовых веток с листьями.

Незаметно подошло к концу лето. В самом конце августа, как и обещал, приехал Вэн в сопровождении тех же солдат. Свадьбу справили в том же кругу лиц, что и помолвку. Были, правда, на этот раз ещё и дядюшка Теренс с тётюшкой Ильдой, а за день до свадьбы король прислал в подарок невесте ожерелье.

На свадьбе, после того, как гости вышли из-за стола и принялись танцевать, а невеста с женихом присели отдохнуть, у Вэна завязался разговор с сударыней Липой. Он уже знал от Ланы и Невешайноса всю историю Звездочёта и поэтому он спросил сударыню Липу, не было ли каких новостей об её отце за время, прошедшее после её рассказа.

– Нет, больше ничего нового не появилось. Да, видимо, уж и не будет. И третье предсказанье египетского чародея так, наверное, и не сбудется.

– А какое предсказание?

– Когда мой отец уезжал от чародея во второй раз, тот сделал отцу три предсказания:

Первое, что отец окажет большую услугу своему королю и стране. Это, как вы знаете, сбылось. Второе, что на склоне лет отец попадёт в неволю, по сравнению с которой пребывание в рабстве у Бен Саллаха покажется ему приятным воспоминанием. Тут мне судить трудно, но в неволю отец, очевидно, попал. И третье. Из этой неволи отца спасёт молодой человек с метками на обеих лопатках и очень длинным именем. «На вашем языке, – сказал чародей, – в этом имени будет двадцать одна буква.»

При этих словах Вэн начал разгибать пальцы, а сударыня Липа с удивлением смотрела на его занятие.

– Сколько? – переспросил Вэн. – двадцать одна?

– Да, а что?

– А знаете ли вы, как зовут нашего Невешайноса?

– Тул.

– А его полное имя?

– А разве это не оно и есть?

– Нет. Его полное имя Гранстулафертонионсий!

– Как, как?

– Гранстулафертонионсий.

Тут уж пришла очередь разгибать пальцы сударыни Липы.

– Только, – обратилась она к Вэну, – не говорите, пожалуйста, об этом Невешайносу. Всё-таки он ещё совсем мальчик. Мне надо подумать, как быть дальше. Да ведь тут может быть и просто совпадение, мало ли на свете разных диковинных имён? А метки на обеих лопатках? Вы видели их?

– Мы с ним купались в озере, но никаких меток, даже простых родинок на его лопатках я не помню, – ответил Вэн. – Имя, наверное, главный признак.

Вэн, конечно, пообещал молчать и, действительно, не сказал об этом разговоре никому, даже своей молодой жене. А сударыня Липа под большим секретом рассказала о предсказании египтянина Клему как самому здесь близкому родственнику Гранстулафертонионсия. Она с трудом выговорила это имя и с опаской взглянула на Клема: вдруг Вэн что-то напутал? Но Клем подтвердил всё. И с испугом поглядел на сударыню Липу, внезапно побелевшую как стена.

– Что с вами? Вам плохо?

– Мне и радостно и страшно: а если это роковое совпадение? И надо ли говорить об этом Тулу? Ведь если это совпадение, то Тул может попасть в лапы Тилюду и пропасть там, как мой бедный отец. Да и жив ли он сейчас? Ведь ему в этом году исполнилось бы 85 лет.

– Конечно, может быть и совпадение, хотя я, например, никогда не слышал такого длинного имени, как у моего племянника.

– А метки на обоих лопатках?

– Меток я не видел, но они могут и появиться. Мне кажется, пока говорить Тулу не следует, но надо как-то помочь ему без опасности пройти через Тилюдию. Если он найдёт волшебный перстень, то обратный путь ему не будет страшен. С перстнем он войдёт в любую темницу в Тилюдии и, если Звездочёт жив, освободит его. Но вот как дойти до дому, да и там ему грозит смерть за самовольное преждевременное возвращение. А ждать ещё два с лишним года до истечения срока – рисковать жизнью Звездочёта. Прямо не знаю, как быть.

– Я думаю, что смогу дать Невешайносу средство обезопасить себя в Тилюдии, но это потребует нескольких месяцев. А домой за перстнем он отправится, если захочет, будущим летом.

– Захочет, конечно, вы же видели, как он загорелся желанием пойти за волшебным перстнем. А уж спасти Звездочёта он почтёт за величайшее счастье. И мы все, чем можем, ему в этом поможем.

– Хорошо, тогда зимой я с ним займусь не только науками (это они будут изучать вместе с Эмом), но и маленьким волшебством внушения.

Так сударыня Липа и Клем заключили союз по подготовке Тула в опасную дорогу. Договорились подготовить ему три комплекта одежды: дворянского юноши, крестьянского парня и молодого купца. О дворянском платье заботу на себя взяла сударыня Липа, остальное должен был подготовить Клем. Правда, с этим они немного поспешили, и Тул дважды вырастал из подготовленной ему одежды, но ни его, ни их вины в этом не было.

После свадьбы молодые пожили у родителей Ланы три дня и утром четвёртого отправились в путешествие на родину Вэна. Как и после помолвки, Вэн взял с собой клетку с почтовыми голубями, Тилюдовцы остались верны себе: карету, в которой ехали молодые, тщательно обыскали на въезде в Тилюдию и на выезде из неё. Правда, за усы солдат на этот раз не дёргали, но каждого по одиночке заводили в караульное помещение и спрашивали, не видел ли он, будучи в Приморском королевстве, опасного преступника по имени Невешайнос. Но, во-первых, Вэн брал с собой только совершенно надёжных людей, на которых он мог положиться как на самого себя; во-вторых, никто из его спутников не считал Невешайноса преступником. Поэтому они с чистым сердцем отвечали, что никакого опасного преступника по имени Невешайнос они не видели.

И хоть с большой неохотой, но тилюдовцам пришлось пропустить Вэна с молодой супругой и всех его спутников. Через пять дней после отъезда Вэна почтовый голубь принёс записку обо всём этом семье Клема.

Глава 4

«А не послать ли перстень с аистами?» Встреча с одноухой волчицей.

Из-за летней засухи урожай орехов был плохой, грибов тоже почти не было. Только в конце сентября после тёплых и сильных дождей пошла волна поздних грибов. Зато было много пролётной водоплавающей птицы, охотиться на которую выходили несколько раз. Много уток и гусей накопили впрок. Незадолго до отлёта аистов Невешайнос обратился к Клему:

– А что если мы попросим отца, чтобы он весной прислал с аистами волшебный перстень? Ведь он, по-видимому, спрятан в дупле нашего грецкого ореха?

– А вдруг на обратном пути птиц кто-нибудь убьёт? Или они станут добычей какого-нибудь орла? По-моему без разрешения сударыни Липы этого делать нельзя. Можно послать ей письмо с голубем, но лучше сходи ты сам.

Так и решили и на другое утро Невешайнос, взяв с собой корзинку, чтобы на обратном пути набрать орехов, отправился к сударыне Липе. Но она идею Невешайноса не поддержала, высказав те же соображения, что и Клем.

– Теперь, – сказала она, – когда волшебный перстень нашёлся, было бы крайне обидно, если бы вмешалась какая-нибудь дикая случайность. Ведь аиста могут и подстрелить по дороге. Ты же знаешь, что из-за небывалой засухи в стране плохой урожай. У крестьян нет хлеба и мало кормов для скота и хотя к аистам у нас было всегда самое доброе отношение, но может найтись какой-нибудь голодный человек, который поднимет руку на эту птицу. И где тогда искать перстень? Кому он попадёт в руки и сколько зла может принести людям? Нет, дождёмся, когда пройдут твои пять лет, и ты сможешь пойти за ним сам.

– Ой, ещё столько ждать! А вдруг наш орех засохнет, и его спилят?

– Хорошо, если ты хочешь вернуться домой раньше, я тебе в этом помогу. Дождись только начала зимы, когда вы с Эмом опять приедете ко мне на учёбу.

Домой Невешайнос, можно сказать не шёл, а летел, хотя и нёс в руках полную корзину орехов. До дома оставалось не больше часа ходьбы, когда какое-то шестое чувство заставило его обернуться: волки, пять штук. И впереди на этот раз его старая знакомая волчица, у которой отрублено левое ухо. За ней, видимо, самец, двое молодых, а на порядочном расстоянии от них ковыляет тоже старый знакомый – волк без передней правой ноги.

Первой мыслью было бежать, бросить корзинку и бежать. Благо волшебные сапоги могли унести его от любой лошади. Но ведь волки бегают быстрее лошадей. Из оружия был только охотничий нож. И снега, который спас в тот раз, нет, только сухие листья под ногами. Звери неслись большими скачками, думать было некогда. Тул огляделся, увидел в стороне развесистый дуб и припустился к нему изо всех сил. Корзину взял с собой. По дороге несколькими ударами ножа отрубил молодую берёзку, двумя-тремя махами очистил её от ветвей и, подбежав к дубу, снял сапоги, закинул их в развилку, цепляясь руками– ногами, забрался сам, зацепив предварительно ручку корзины ремнём. И едва успел втянуть в эту же развилку корзину, как волки, подбежав, окружили дуб с четырёх сторон. Вскоре приковылял и безногий волк. Звери тяжело дышали, видно было, что гнались за Тулом они давно. Наверное, где-то наткнулись на его следы, и волчица повела свою новую семью мстить за гибель первого супруга. С высунутых языков капала слюна. Звери были гладкие, с ровной блестящей шерстью. За Тулом на этот раз их гнал не голод, а жажда мести.

Понимая, что их пленник никуда не денется, они сначала уселись под деревом, а молодые даже легли. Тул между тем, повесив корзинку на сучок, выше того сука на котором сидел сам, мастерил с помощью ножа из гибкой ветки дуба подобие камнеметательной машины, о кото-

рой он читал зимой в одной из книг у сударыни Липы. Вот он, наконец, сделал и, используя орех в качестве снаряда, угодил почти в глаз волчице. Такая дерзость будущей добычи глубоко возмутила старую разбойницу и она совсем по-собачьи взвизгнув от боли, недовольным рыком подняла отдыхающее семейство. Дескать, ишь, расселись, когда дело ещё не сделано. Самец подпрыгнул, пытаясь достать Тула. И хотя тот сидел на высоте не менее шести локтей, зубы самца лязгнули возле самой ноги Тула.

– Ого, ты, я вижу, наловчился прыгать, – отметил Тул и перебрался на следующий сук, не такой широкий и удобный, но зато вполне безопасный. И вовремя, потому что волчица показала себя ещё лучшим прыгуном и, если бы первой прыгнула она, то трудно сказать, чем бы дело кончилось для Тула. Во всяком случае, в ногу ему она бы вцепилась. Но теперь он был в полной безопасности. Была еда – орехи, на дне глиняной фляжки плескалось немного воды. Но сколько времени можно было выдержать эту осаду?

Тул выстрелил ещё и на этот раз попал волчице по лбу. Судя по тому, как она дёрнулась, больно. Молодые вопросительно посмотрели на мать. Она что-то им ответила и начались состязания, кто выше прыгнет. Но новая позиция Тула была недостижима для зверей. Осенний день клонился к закату.

– А ведь, пожалуй, они могут взять меня измором, – подумал Тул. – Наши меня сегодня не хватятся, подумают, что я остался ночевать у сударыни Липы. Да и завтра начнут беспокоиться только к вечеру. А на этой ветке не заснёшь, надо поискать поудобнее.

Оглядев дуб внимательно, Невешайнос увидел, что немного выше основной ствол разделяется на три части, образуя удобное сиденье даже с двумя спинками. Третий отходил почти горизонтально, что позволяло вытянуть ноги. Звери были явно разочарованы новым перемещением своего пленника и, прекратив бесполезные прыжки, улеглись под деревом, нам, мол, спешить некуда. Но после нескольких метких выстрелов Тула, одним из которых он попал в глаз волку, по команде волчицы отошли на безопасное расстояние и там улеглись.

Тул огляделся, кто бы мог помочь? В воздухе, видимо, ожидая добычи, кружилось несколько ворон. На сосне трещала сорока, оповещающая лес о происшествии. С шумом пролетела к болоту стая уток. Это всё не помощники. Как на зло, ни синиц, ни поползней, ни воробьёв, эти вообще в лесу не живут, ни ласточек. В осеннем лесу птиц мало.

– На ладно, – решил Тул. – Пока повоюю один, а днём, наверное, кого-нибудь увижу. Найдя подходящую ветвь дуба, согнул её для лука, используя в качестве тетивы ремешок, которым перевязывал заплечный мешок. Потом вырезал из ствола берёзы штук шесть стрел, заточил их концы. Звери, сколько можно было видеть в надвигающихся сумерках, насторожённо следили за его занятием. Но когда первая стрела ударила в бок волчице, лишь слегка поцарапав кожу, вскочили и отбежали ещё подальше. Теперь стрелять было бесполезно, на таком расстоянии стрела только пугала и Невешайнос повесил самодельный лук на сучок, а стрелы положил в корзину, может быть, ещё пригодятся.

Солнце перестало золотить верхушки деревьев, и вскоре на лес опустилась ночь. Звери как будто заснули, но стоило Невешайносу произвести какой-нибудь шум, как тут же кто-то из них вскакивал на ноги. Невешайнос заметил, что самец и один молодой волк куда-то ушли. Вскоре из глубины леса донёсся жуткий предсмертный вопль зайца. Спустя час или два (а может, всего 10-15 минут, время в таком положении не идёт, а ползёт) опять визг, скорее всего молодого кабана. Потом уже в полной темноте внизу раздалось какое-то сопение, хруст, чавканье. Пять пар глаз светились жутким голубоватым огнём в одном месте. Видимо охотники вернулись с добычей и оделяли ею осаждающих. На всякий случай Тул послал в ту сторону стрелу, но, судя по молчанию, ни в кого не попал.

Хотелось спать и, чтобы не свалиться во сне, Тул привязал себя ремнём к стволу и задремал. Сон, конечно, не шёл, и сидеть было жёстко, и холод залез под рубашку, а во второй половине ночи с недалёкого болота поползли волны густого тумана. Тул подумал, что если бы он

имел дело с людьми, то мог бы смело спуститься с дерева и, оторвавшись от преследователей хотя бы на пятнадцать-двадцать шагов, растворился бы в этом тумане. Но волки его, конечно, моментально найдут по запаху, так что надо сидеть и ждать. Но чего? Воды осталось на два глотка. Орехов, правда, полная корзина. На дне мешка он обнаружил кусок окаменевшей, но такой вкусной сейчас лепёшки, одна беда – маленький.

Утром туман в лесу немного рассеялся, и Невешайнос решил, что надо действовать. Он заточил до возможной остроты тонкий конец ствола берёзы и, сделав вокруг его толстого конца кольцевидную бороздку, обвязал по ней конец копья ремешком, разобрав, ставший бесполезным, лук. Другой конец ремешка он привязал к ветви дуба. После этого он спустился пониже, как бы приглашая волков напасть на себя. И они не заставили долго ждать. Первым прыгнул один из молодых волков. Но едва он взмыл в воздух, как самодельное копьё Тула вонзилось ему прямо в пасть. Волк дёрнулся, упал, копьё вышло из пасти и вместе с ним хлынул целый ручей крови. Видимо копьё достало до лёгких.

Волчица, поражённая гибели своей, как разглядел Тул, дочери, взвилась в воздух как подброшенная какой-то силой, и зубы её лязгнули по сапогам Тула. И тот ещё раз поблагодарил их неведомого создателя: на сапогах не осталось даже царапины, хотя острые клыки могли бы их и прокусить. Копьё Тула, брошенное в волчицу, лишь скользнуло по её боку. Однако стоять на нижней ветке стало опасно: с другой стороны взлетел в воздух колченогий волк, за ним самец, но Тул уже перебрался повыше. Волчица подошла к мёртвой дочери, опять так же, как позапрошлой зимой над телом самца, коротко взвыла, но на этот раз не повела прочь семью, а расположилась поодаль рядом с хромым сыном. Через некоторое время оба они куда-то ушли.

– Что ж, – сказал Тул вслух, – вызовем на бой эту парочку.

Он отвязал копьё от ветки, взял в левую руку нож, в правую копьё, спустился на нижнюю ветку, нависавшую над землёй в двух-трёх локтях, и спрыгнул с неё, встав спиной к дереву. Оба волка как по команде бросились к Тулу. Но их встретило копьё, в чьей грозной силе они уже могли убедиться. Звери ловко увёртывались от ударов Тула, но и подойти к Тулу никак не могли, а когда старый волк пытался напасть сбоку, Тул огрел его по правому боку с такой силой, что чуть не сломал копьё, и тот, зарывав от боли, отскочил подальше. Перевес как будто стал склоняться в сторону Невешайноса, но тут он увидел, как распластываясь в воздухе несутся к нему со стороны болота трое волков. Стало ясно, что надо отступать. Тул повернулся спиной к волкам, надеясь, что успеет взобраться на безопасную высоту, прислонил копьё к стволу и уже начал было вскарабкиваться на третью снизу ветку, как дикая боль пронзила его под левой лопаткой. Это молодой волк молнией метнулся к стоящему спиной противнику и, не достав до шеи, вцепился в него чуть ниже и левее лопатки. От боли Тул громко закричал, но самообладания не потерял и всадил левой рукой нож под левое ребро волка, видимо, в сердце. Тот сразу как-то обмяк, но, не разжав зубов, так и остался висеть на Туле, не давая ему подниматься. Старый волк тоже успел оправиться от удара и напал на Тула справа, хотя ему и мешали ветви дуба. Тул изловчился и лягнул его по носу, тот отскочил, но положение не стало легче. Молодой волк по-прежнему висел на Туле, и он чувствовал, как своя кровь заливает ему спину, а волчья – ноги. Напрягая все силы Тул рванулся вверх, пока к врагу не прибыло подкрепление. И в это время он услышал сначала выстрел, а потом лай собаки и голоса людей.

– Дядя, я здесь! – закричал он слабеющим голосом.

– Тул, сынок, держись!

Старый волк, услышав голоса, тут же метнулся в чащу леса. Волчица и остальные волки – тоже. Тул медленно сполз с дерева навстречу Клему, Геллону, Эму и Верному. Дядя был с мушкетом, из ствола которого ещё шёл дымок, и саблей набоку, остальные с арбалетами.

Рана Тула оказалась довольно серьёзной. Чтобы оторвать намертво вцепившегося волка, пришлось разжимать его зубы ножом. Кусок мяса, вырванный из-под лопатки Тула, болтался на лоскутке кожи. Рану тут же перевязали. От пережитого волнения и большой потери крови

Тула была лихорадка, сил, чтобы идти, не было. Решили сделать для него носилки. Пока Клем с Геллоном их делали, Эм притащил убитого отцом волка и сложил вместе с двумя, убитыми Тулом.

– Что будем делать с ними? – спросил Клем. – Надо бы шкуру снять, они уже, я смотрю, вылиняли. Зима, наверное, будет ранней. Донесёте вдвоём Тула?

– Донести-то донесём, – ответил Геллон, – да тебе нельзя оставаться одному, волки могут назад вернуться, их ведь четверо осталось, а ты один.

– А нас тоже четверо. – возразил Клем, – я, Верный, мушкет и сабля.

– Ну из мушкета ты в лучшем случае подстрелишь одного, а больше не успеешь, очень уж долго его заряжать, – не согласился с другом Геллон. – Плюнь ты на этих волков и пошли домой. А то Тул кровью истечёт.

Тут уж вмешался раненый:

– Жалко бросать такие шкуры. Давайте я пока полежу, только дайте мне попить, а вы все возьмитесь снимать шкуры. А рану мне завязали хорошо. Я чувствую, что кровь больше не течёт.

Действительно, всем и особенно Тулу, было жалко бросать шкуры волков, а отложить это дело было нельзя: в воздухе над местом побоища, предвкушая поживу, же кружились десятки ворон и с каждой минутой их становилось всё больше. Брось убитых волков без присмотра, и через несколько часов от них останутся одни кости.

Тула положили в тень на носилках, дали ему кусок копчёной утки, лепёшку, а все здоровые занялись снятием шкур. Быстрее всех, конечно, с этим делом справился Геллон. Ему часто приходилось снимать шкуры с животных, убитых на королевской охоте. Он помог Эму, который почти не имел навыков в этом деле.

Не прошло и часа, как всё было закончено. Шкуры увязали в узел и отправились в путь.

С носилками по болоту, хотя и изрядно подсохшему за жаркое сухое лето, идти было трудно, да и опасно, поэтому пошли по обходной дороге, по которой два года назад Клем вёл тиллюдовцев.

Идти по лесу тоже было тяжело – то кто-нибудь спотыкался о корень, то цеплялся за стебли растущей тут в обилии ежевики. Каждый такой толчок больно отзывался на раненном. Он хотя и старался сдерживаться, но всё же иногда издавал стон.

– Терпи, сынок, теперь уже немного осталось, – утешал его Клем, хотя оставалось ещё больше часа. Чтобы отвлечься от боли, Невешайнос стал расспрашивать своих носильщиков, почему они отправились к нему на помощь. Оказалось, что утром сударыня Липа прислала голубя с такой запиской: Если Тул ещё не вернулся домой, немедленно идите с оружием ему навстречу. Я видела очень плохой сон. Я сейчас выезжаю по его следам.

– А почему же ты оказался так низко на дереве, что волк мог вцепиться в тебя? – спросил Тула Геллон. – Ведь корзина с орехами была у тебя вон как высоко, а ты почему-то совсем низко.

И тогда Тул рассказал всю историю своей битвы с волками, и Клем, и Геллон дружно осудили его за проявленное безрассудство. Геллон предположил, что волчица, наверное, нарочно увела ещё троих волков, чтобы выманить Тула с дерева и очень удивился, увидев, что волчица бегала за подкреплением.

– Никогда не слышал, чтобы волки так поступали, – сказал он. – Очевидно, эта волчица – очень умный и опасный зверь. Будь осторожен Тул, она тебя в покое не оставит. Её обязательно надо выследить и убить.

Когда раненного принесли домой, оказалось, что там его уже ждала сударыня Липа. Она только что приехала на Гордом болотом и по дороге видела место битвы. Внимательно осмотрев рану, она чуткими, прохладными пальцами осторожно вложила на место вырванный кусок мяса под лопаткой, потом смазала рану какой-то мазью, положила на неё сверху несколько

давленных листьев подорожника и забинтовала её. Затем она примотала левую руку от локтя до плеча к туловищу, чтобы рана оставалась неподвижной и дала Тулу несколько капель какой-то пахучей тёмной жидкости, и он погрузился в глубокий сон.

– Как проснётся, напоите его куриным бульоном и дайте ему клюквы, – сказала она Анне. – Пусть немножко пободруствует, а потом я ему опять дам снотворного. Пусть спит как можно больше.

– А как вы узнали, что Тулу нужна помощь?

– Я увидела во сне очень отчётливо, что Тул сидит на дереве, а вокруг него прыгают волки и с каждым разом всё больше подбираются к нему, вот-вот вцепятся ему в горло, а ему уже некуда деться. Я тут же отправила вам голубя, а сама – верхом на Гордого и к вам.

– А вы не боялись, что волки нападут на вас?

– Ну, мой Гордый уже не одного волка убил своими подковами, да и дядюшка Теренс сделал мне такую плётку со свинцом на конце, что может убить и медведя, не только волка.

Больной Невешайнос проспал с маленькими перерывами трое суток. По прошествии этого времени сударыня Липа освободила ему левую руку, но не разрешила ему ничего ею делать, чтобы не потревожить рану. Убедившись, что заживление происходит нормально, ещё через неделю она уехала домой, наказав в случае каких-либо осложнений немедленно слать голубя.

Но молодой организм уверенно брал своё и ещё через неделю Тул почувствовал, что рука его совершенно здорова. Только при перемене погоды, особенно перед дождём или снегопадом, укушенное место начинало ныть, как будто отрываясь от тела. Но Тул не огорчился, а даже смеялся, говоря, что он теперь не хуже муравьёв знает, будет сегодня дождь или нет.

Глава 5

Опять на учёбе у сударыни Липы. Тул учится новому волшебству. Совет дядюшки Теренса. Донецио вызывает на бой троих противников.

Зима действительно в этом году пришла рано. Уже в конце октября всё было покрыто снегом, а в ноябре ударили сильные морозы. Вот здесь-то и пригодились волчьи шкуры. Меховщик, живший в Волчьей поляне, выделал шкуры и сшил из них отличную шубу, в которой был не страшен любой мороз.

В связи с сильными морозами король в эту зиму на охоту не приезжал, отдав предпочтение городским развлечениям.

В конце ноября сударыня Липа с голубем прислала записку, спрашивая Клема и Анну, отпустят ли они Эма и Тула на учёбу, а получив согласие, вскорости прислала за ними дядюшку Теренса. На этот раз на санях была установлена небольшая деревянная будка, изнутри обитая ковром, внизу стояла жаровня с углями, а вожжи были протянуты внутрь через отверстие в передней стенке. Впереди и с боков были небольшие окна со стёклами. Несмотря на сильный мороз, в повозке было тепло. На Гордом тоже была тёплая попона. Под скамейкой в возке лежали пистолет и два арбалета. Но они не понадобились. Доехали благополучно – с одной остановкой, чтобы подкрепиться.

У сударыни Липы разместились на прежнем месте. Учителя приехали в тот же день к вечеру. Это были уже известным нам Легати – учитель музыки, и двое новых: Донецио – учитель фехтования, гибкий, невысокий брюнет с изящными усиками на бледном лице и высокий, широкоплечий, с пышными усами и бакенбардами учитель военного искусства Гремона.

Донецио привёз с собой шпаги, свою и ещё две, они только начали входить тогда в моду. Шпага была и у Гремона. Ребята с любопытством разглядывали новое оружие.

– Что, молодые люди, хотите научиться драться на шпагах? – спросил Донецио.

– Конечно, хотим.

– Ну, тогда после завтрака начинаем, только, конечно, не с боевыми наконечниками. – С этими словами Донецио достал из кармана деревянные колпачки и надел их на кончики шпаг. – Вот, теперь можно учиться. Ещё только на лица наденете маски.

Занятия проходили по обычному расписанию, только когда Донецио занимался с Эмом, сударыня Липа обучала мастерству внушения Тула. Учёба у него, вопреки обыкновению, шла трудно. Сударыня Липа объяснила это отчасти молодостью своего ученика, отчасти тем, что у него были голубые глаза. У самоё неё, как вы, может быть, помните, глаза были почти чёрные. Мешало ещё и то обстоятельство, что Тул не верил в успех задуманного. Он искренне заявил сударыне Липе:

– Я ведь не волшебник, и отец, и дедушка у меня не были волшебниками. Разве можно научиться волшебству, если ты сын простых людей?

– Главное, дружок, ты должен захотеть и поверить в свои силы. И не вешай нос от неудач, помни своё прозвище.

Прозвище своё Тул, конечно, помнил, но неудачи его, действительно, обескураживали. Под руководством сударыни он пытался внушать Эму, но тот совершенно не поддавался его влиянию, а об учителях и говорить нечего.

За три недели занятий Тулу ни разу не сопутствовал успех. Ни Эм, ни другие обитатели дома ни разу даже не зевнули, когда Тул внушал им мысленно: «Спите, спите, спите».

Сударыня Лип просто не знала, что и предпринять, пока дядюшка Теренс не посоветовал:

– Конечно, Тулу мешают его голубые глаза. И их ведь не переокрасишь. А что, если он наденет тёмные очки?

– Как это, тёмные очки? – не поняла сударыня Липа, – разве такие бывают?

– Давайте попробуем. Очки я сделаю из обыкновенного стекла, а потом слегка закоптим их над свечкой.

Так и сделали. И когда Тул с некоторым недоверием надел очки и стал вечером во время занятий музыкой внушать своему двоюродному брату: «Спи, спи, спи» – тот зевнул несколько раз во весь рот, а потом прилёг на диван и заснул, не смотря на игру Легати, чем немало обидел его. Легати даже пожаловался сударыне Липе на неучтивость своего любимого ученика. Но сударыня Липа только обрадовалась, узнав от Тула, как было дело, и, к недоумению Легати, ничего не сказала Эму. Чёрные очки, действительно, помогли Тулу.

Потом в этих же очках Тул заставил во время занятий по фортификации заснуть Гремона, чем привёл в великое смущение бравого вояку. Тот, не понимая в чём дело, проснувшись, бормотал в своё оправдание что-то о бессонной ночи.

Воспрянул духом после первых успехов и сам Тул. Но, конечно, надо было ещё работать, и работать, чтобы внушение происходило и без очков.

Через месяц мальчики должны были возвращаться домой, но сударыня Липа, заручившись согласием Клема и Анны, оставила их ещё на две недели. Легати уехал по истечении месяца заниматься музыкой с дочерьми короля. Все занятия теперь посвящались искусству фехтования и войны. После недели занятий Донецио вызвал на бой сразу трёх противников – обоих молодых друзей и Гремона. Последний, правда, обвинил Донецио в хвастовстве, заявив, что справиться с ним и один, но Донецио настоял на своём.

Чтобы не драться на улице, пришлось вынести из самой большой комнаты – столовой всю мебель. Сударыня Липа, Ильда и молодой парень, ухаживавший за лошадьми (сударыня купила ещё одну), коровой и птицей, встали в дверях.

Донецио встал посредине комнаты, а его противники расположились почти с трёх сторон, в центре – Гремон, справа от него Тул, слева Эм.

Перед началом боя соперники приветствовали друг друга изящными поклонами и взмахами шпаг. Сигнал к началу боя дала сударыня Липа. Гремон сразу же попытался завладеть инициативой, всё-таки он был вдвое старше своего противника и раза в полтора тяжелее.

Но Донецио молниеносным выпадом отбил шпагу Гремона так, что она взлетела к потолку и сам напал на Эма, тут же повернулся и отбил выпад Тула. Скрещивающиеся шпаги высекали искры. Звон стоял почти как в прошлую зиму в кузнице, когда ребята под руководством дядюшки Теренса делали саблю.

Донецио ни секунды не стоял на месте, то поворачиваясь во все стороны, то отскакивая назад или в бок, так что временами казалось, будто Гремону и его молодым соратникам противостоит не один человек. Гремон, надеявшийся на лёгкую победу, был задет не на шутку, забыв осторожность, он ринулся прямо вперёд, стараясь прижать Донецио к стене, где он был бы лишён возможности маневрировать, но...наконечник шпаги Донецио упёрся ему прямо в живот.

– Сударь, вы убиты! – воскликнул Донецио.

– Чёрт возьми, вы правы!

И Гремон отошёл к зрителям. Но Эм и Тул доказали своему учителю, что они не зря отнимали у него время. Ловко отбивая его выпады, они сами то и дело переходили в атаку. Но вот Донецио сделал вид, что собирается нанести укол Эму, вдруг отпрыгнул в сторону, и упёр свою шпагу в ребро Тулу.

Число зрителей ещё возросло. Бой Эма с Донецио пришлось прервать из-за быстро надвигающейся темноты, драться на шпагах при свечах не разрешила сударыня Липа. Противники пожалы друг другу руки и все дружно принялись таскать мебель, готовя столовую к ужину.

Гремон был очень расстроен своим поражением и заявил, что по возвращении в столицу он станет брать уроки у лучшего фехтовальщика королевства.

– У кого же это? – поинтересовалась сударыня Липа.

– Да у кого же ещё – у Донецио, конечно, – ответил старый вояка. И все вздохнули с удовлетворением: поражение не сделало Гремона несправедливым.

За день до окончания занятий состоялись поединки Донецио с каждым из троих.

Два поединка закончились победой учителя фехтования, третий, продолжавшийся более получаса, победителя так и не выявил. Вы, наверное, догадались, что и на этот раз противником Донецио был Эм.

На другой день с утра Донецио и Гремон уезжали в столицу с возницей, прибывшим за ними, а Тул и Эм опять с дядюшкой Теренсом уехали на Гордом. Мороз был ещё сильнее, чем в прошлый раз, поэтому по совету сударыни Липы сделали длительную остановку с ночлегом в Волчьей Поляне.

Ребятам, конечно, хотелось скорее попасть домой, но они понимали, что в такой сильный мороз лошади тяжело, да и послушаться сударыни Липы, которая столько сделала для них, они не могли.

Ночевали на постоялом дворе, там же и ужинали. За столом сидели несколько купцов, направлявшихся в столицу. Когда разговорились, оказалось, что некоторые из них недавно были в Тилюдии.

Один купец рассказал, что тилюдские ремесленники стали плохо выполнять заказы. Кузнец, у которого он всегда покупал замки, на этот раз смог выполнить только половину заказа и, когда купец поинтересовался, в чём дело, кузнец показал целую кучу наконечников для стрел и копий, которые он сделал для армии Тилюда.

– Я ему говорю, – рассказывал купец, – ты ведь и раньше делал наконечники, и замки по моему заказу, а теперь что же не сделал? А он отвечает, что раньше на десять замков приходился один наконечник, а теперь наоборот, на десять наконечников – один замок.

– А мне тоже, – вмешался в разговор другой купец, – должны были в Тилудии сделать десять штук сукна, а сделали только две. Спрашиваю, почему же не сделали, говорят сделали, но почти все пошли на мундиры.

Дядюшка Теренс сказал ребятам, что об этих разговорах он обязательно сообщит сударыне Липе, а та известит короля. Видимо, тилюдовцы готовятся к войне. А Тул с тревогой подумал, выдержит ли Приморское королевство тилюдовцев. Ведь надеяться надо было только на свои силы. К тому же засушливое лето подорвало продовольственные запасы страны, а у Тилюда как раз был хороший урожай...

За вторую половину зимы никаких событий не случилось, в самом конце её приехала сударыня Липа специально, чтобы неделю позаниматься с Тулом. В тёмных очках у него дело шло неплохо, но без очков получалось значительно хуже. Это огорчало и учительницу, и ученика. Договорились, что в конце мая, когда немного схлынут весенние заботы и ещё будет время до сенокоса, Тул придёт к сударыне Липе на неделю другую, чтобы продолжить занятия волшебством внушения.

Но конец мая принёс неожиданные тревоги и дела.

Часть вторая

Невешайнос на войне

Глава 6

Срочный вызов к сударыне Липе. Невешайнос, Эм и сударыня Липа организуют воздушную разведку.

Невешайнос укладывал свою одежду в заплечный мешок, чтобы завтра утром отправиться к сударыне Липе, когда снизу его позвал дядя Клем:

– Тул, спускайся скорее сюда!

– Бегу, дядя! Что случилось?

– Прилет голубь с запиской от сударыни Липы, вот она: «Эм и Тул! Срочно приезжайте ко мне по чрезвычайно важному делу.»

– Видно что-то случилось. Я ведь должен был идти к ней завтра.

– Иди, запрягай лошадь в тележку, а я сейчас соберусь и тут же выедем. Захвати пару почтарей.

Встревоженные Анна, Клем и младшие дети провожали Эма и Тула за воротами.

– Пошлите голубя с запиской, если сами не вернетесь завтра, – сказала на прощанье Анна.

Вечерело, когда Тул и Эм подъехали к дому сударыни Липы. Липы и ели подняли перед ними свои ветви, и наши путники с удивлением увидели, что на поляне пред домом стоит несколько солдатских палаток. В доме их встретили хозяйки и Гремон. Сударыня Липа объяснила, что король получил сведения, что армия Тилюда Десятого готовится в ближайшее время совершить нападение на Приморское королевство. Надо было узнать, где, на каком участке враг готовит вторжение. Король поручил Гремону обратиться к сударыне Липе с просьбой помочь выяснить планы Тилюда.

Как нам уже известно, через Большую реку, которая отделяла Приморское королевство от Тилюдии, было только два моста: Верхний, соединяющий Приморское королевство с Верхней Тилюдией, и Нижний – с Нижней. Но на реке между этими мостами было еще несколько мест, где тилюдовцы могли организовать переправу на лодках. Тилюдия была значительно больше Приморского королевства и по территории, и по численности населения. И армия Тилюда была больше приморской раза в два, поэтому было очень важно знать, где Тилюд решит переправиться через Большую реку, чтобы успеть подготовить ему там отпор. Обо всем этом Гремон поведал Эму и Тулу, сударыня Липа уже знала это от него же.

– Чем же мы можем помочь? – спросил Тул.

– Я знаю, что вам известен язык птиц, знает его и сударыня Липа, – ответил Гремон. – Хорошо бы, если бы вы попросили птиц слетать на тот берег и посмотреть, где собираются тилюдовские солдаты, а мы бы тотчас же известили об этом короля, чтобы он мог подтянуть к угрожаемому месту нашу армию. Послать туда на разведку своих солдат мы не можем, Тилюд охраняет все возможные места переправы.

– Птицы сейчас выкармливают птенцов, поэтому не знаю, как они отнесутся к нашей просьбе.

– Чем они кормят своих птенцов?

– Все певчие птицы кормят своих детей насекомыми.

– А мы дадим в помощь каждому из вас по десятку солдат. Пусть, скажем, самец летит на тот берег, а самка кормит детей теми насекомыми, которых соберут для нее солдаты. Думаю, что десяток солдат поймает насекомых не меньше, чем две крохотные птицы.

– Откровенно говоря, я не уверен в этом, – возразил Эм. – Но попробовать стоит.

– Тогда будем считать, что договорились. Есть такое предложение: ты, Тул, отправишься к Верхнему мосту, сударыня Липа возьмет под наблюдение средний участок, а Эм – Нижний мост. Если вы согласны, то выезжаем сейчас же, не мешкая. У каждого будет по десять почтовых голубей, о результатах наблюдений будете в полдень и перед закатом солнца посылать голубей, а вслед за вечерним голубем – конного солдата, чтобы избежать случайностей. Если обнаружите скопление войск, то не ждите полудня или вечера, а сообщайте немедленно. Договорились?

– Договорились.

– Тогда за дело.

Гремон познакомил Тула с командиром солдат, приданных ему – молодым симпатичным сержантом Арвидом. Лошадь, на которой приехали Эм с Тулом, отправили домой с одним из солдат. С голубем послали короткую записку: «Получили важное поручение от короля. Будем дома не скоро, может быть, через две-три недели».

Тулу предоставили верховую лошадь и, построившись попарно, двинулись в путь. Доехав до развилки дороги, расстались с сударыней Липой, которую помимо солдат сопровождали также тетушка Ильда и Гремон. Эм со своим отрядом сразу свернул на северо-восток.

Тул ехал рядом с Арвидом, который, немало удивленный молодостью своего спутника, проявил к нему живейший интерес. Но его удовлетворение пришлось отложить, так как на скаку разговаривать было тяжело, а ехать надо было быстро. В одной деревне милях в двадцати от Большой реки сменили лошадей, немного перекусили и помчались дальше во весь опор, свежие лошади бежали легко.

Поздно вечером, когда на небе уже зажглись звезды, прибыли на берег Большой реки. Солдаты тут же стали разбивать палатку и готовить ужин. Тул, которому никогда в жизни не приходилось столько проехать верхом на лошади за один день, да еще в такой спешке, буквально с ног валился от усталости. Едва он слез с лошади и присел на траву, как тут же уснул. Арвид велел солдатам осторожно занести Тула в их палатку, разуть и уложить спать на охапке сена, прикрытой плащом. Солдаты разместились в двух других палатках. На ночь выставили караул, но Тул ничего этого не видел и проснулся только на рассвете, отдохнувший, но страшно голодный. Хорошо, что заботливый Арвид догадался положить около постели Тула два больших сухаря и поставить кувшин с молоком, доставленный еще вечером из ближайшей деревни. Стараясь не шуметь, Тул взял сухари, кувшин и вышел из палатки, поеживаясь от предрасветного холода. Часовой подмигнул ему:

– Что, проголодался за ночь?

– Еще как. Я ведь заснул без ужина.

– Не приходилось раньше ездить верхом?

– Приходилось, но не так долго и не с такой скоростью.

– Король велел сегодня утром быть на берегу Большой реки, а мы успели пораньше. Но наши хоть и привыкли к таким переходам, а тоже устали, спят без задних ног. А уже пора будить.

С этими словами часовой заглянул в первую палатку и дернул за ногу ближайшего солдата. Тот недовольно брыкнул ногой, но после второго, более сильного рывка, проснулся и стал будить соседей.

После завтрака Тул и Арвид отправились на берег реки, где тоже стоял часовой, укрывшийся от глаз с тилюдовского берега за толстым тополем.

– Ну, что разглядел? – спросил Арвид.

– Возле развесистой ивы видите тилюдовца? Спрятался за кустом, а мундир все равно видно. А за ним там еще один или двое сзади.

– Вижу, – ответил Арвид.

– А ниже по течению локтей на пятьдесят-шестьдесят – еще один стоит совершенно открыто.

– Вижу.

– А там еще ниже опять тилюдовцы, тоже скрываются, еле заметны. Это у них манера такая, через одного стоят то на виду, а то прячутся. Если кто вздумает переправляться через реку, он, конечно, будет стараться пройти посередине между двумя открытыми часовыми, и как раз наткнется на засаду. Открыто стоит один, а в засаде не меньше трех. Я с час наблюдал, пока разглядел засаду, очень хорошо спрятались, да их сорока выдала. Трещит и трещит. Что, думаю, она расшумелась? Пригляделся и увидел. Как же мы тут переберемся на тот берег? Вон у них какое наблюдение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.